

18+

Раиса Крапп

Сказки Странника

Сборник

Раиса Крапп
Сказки Странника. Сборник

«Издательские решения»

Крапп Р.

Сказки Странника. Сборник / Р. Крапп — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519435-0

Карлыгаш Мукашева, Казахстан: Вот так написать сказку о любви... О посеребрённых луною высоких травах и соловье, поющем ночи напролёт... О колючих иглах, в которые тысячу лет назад превратились мои глаза... Как надо жить, как любить, как безысходно тосковать и безоглядно радоваться, чтобы такое написать? Эта чарующая и невыносимо терзающая сердце мелодия вашей сказки — моя сказка, обо мне, для меня...

ISBN 978-5-00-519435-0

© Крапп Р.
© Издательские решения

Содержание

Сказки Странника	6
Про Адельку и гада ползучего	6
Странник и Полудёнка	8
Про птицу	15
Фокусник	18
О смерти	20
Холодная владычица	22
Печальная	26
Мы встретимся опять	28
Прорицание	28
И ты не узнаешь меня	33
Создатель, один лишь вопрос	34
Воплощения Лилит	35
Лолия. Атлантида. Город Золотых Врат	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сказки Странника Сборник

Раиса Крапп

Дизайнер обложки Раиса Крапп

© Раиса Крапп, 2021

© Раиса Крапп, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0051-9435-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Вот видишь. Да у меня и дел тут полно. Не как у некоторых, – поджала она губы. – Так что... некогда мне тут расслаживаться. Пошла я.

– Ну что ж. Авось ещё встретимся.

– Сомневаюсь я.

– Все дороги пересекаются. А на перекрёстках много чего происходит. Встретимся.

– А что там происходит?

– Всякое. Забавное и страшное. Странное. Непонятное. Но это уже совсем другая сказка.

– Расскажи!

– Не могу. Я рассказываю сейчас другую сказку. Про тебя.

Аделька шмыгнула носом и спросила:

– Тогда я пошла?

– Может быть, поужинаешь со мной? У меня картошка испеклась, – Странник выкатил из углей и золы чёрные катыши.

– Ух ты-ы! Картошечку печёную я люблю!

– Лови!

Они перебрасывали её из ладони в ладонь, разламывали и ели ароматную, дымящуюся, рассыпчатую картошку, пачкая руки об обугленную корочку. Аделька извозилась вся, щёки, нос – всё было в чёрной саже. Странник протянул руку и выудил из её волос зелёный листок. Это оказался листик клевера, но – удивительное дело, с четырьмя лепестками.

– Э-э-э-э!.. – сказала Аделька, выхватила листок, опять пристроила его в свою шевелюру. Потом вытянула шею, вопросительно глядя в угли костра. – Что ли уже вся кончилась? Ну, тогда я пошла, – со вздохом сказала Аделька.

– Иди, конечно. Если ждут дела, надо идти, – Странник сжал губами чубук трубки, пряча улыбку. Подкинул хворосту в костёр.

Аделька, цепляясь ногами за траву, дошла до края поляны, села за куст, обхватила руками колени.

– Мог бы и поужинать, – бурчала она себе под нос. – Дура ты, Аделька! Деловая колбаса! Какие у тебя такие дела? Могла бы хоть до ближней роши со Странником дойти. Авось, там этого рогастика кусачего не было бы. У-у-у-у, гад ползучий! – погрозила она в темноту кулачком с остро выпирающими костяшками. Темнота шелестела и пыхла. – А этот улёгся и горя ему мало! Конечно, что ему какие-то зубастики, здоровому такому...

И что ли сказку про перекрёстки она никогда не узнает?

Аделька решительно встала и пошла к догорающему костру. Постояла и начала пристраиваться под бок к спящему.

– Разлёгся... – бурчала она. – Как будто весь лес его!

Странник обречённо вздохнул во сне и повернулся на другой бок, подставляя спину острым Аделькиным коленкам.

Странник и Полудёнка

Солнце окунулось в море, краски его поплыли, растекаясь по воде багрянцем и пурпуром. Море отразилось в небесных зеркалах, и половина свода окрасилась во все оттенки густой киновари

Странник, стол на скале, смотрел на полыхание яростного заката, и отблески гигантского пожара играли на его лице. Загорелое, теперь оно казалось отлитым из красной бронзы. Он стоял неподвижно и был похож на изваяние, в котором соединились сила и грация, благородное достоинство и созерцательный покой.

Когда краски вечерней зари потускнели, как угли костра, подёрнутые пеплом, он разомкнул скрещённые на груди руки, повернулся и неторопливо начал спускаться вниз, туда, где о подножие каменного монолита разбивалась стихия дикого леса, теперь уже укрытого флёром сумерек.

Странник отдыхал от своей бесконечной дороги, задержался в этом мире, нашёл здесь верных друзей. Впрочем, не только друзей, поскольку мир этот был безбрежен, полон многообразия и опасностей. Но опасности – для других, а для него – едва ли.

Он спускался, то ловко балансируя на кромке обрыва, то прыгая с камня на камень. Скоро покров леса сомкнулся над ним. Он остановился, когда вышел на небольшую прогалину, заросшую высокой травой. Да, вот здесь и будет его ночлег. Примятая трава приняла его на упругие стебли, тонкие ноздри вздрогнули от мощного запаха земли и травяных соков. Он опустил голову, вдыхая его всей грудью.

Вроде бы ничего не переменилось в окружающем пространстве, но прошли минуты, и нечто коснулось его чувств, заставило слегка насторожиться. Ну да, у самой кромки зарослей белела тоненькая фигурка. Сегодня она казалась почти призрачной, сотканной то ли из тумана, то ли из лунного света. Вероятно, ночной сумрак крал резкость очертаний.

– Убирайся! – сказал он.

Она испуганно обернулась в чёрную глубину леса и нервно проговорила:

– Я не могу... Я боюсь... Позволь мне остаться рядом с тобой.

– Убирайся прочь, я сказал! – уже гневно повторил он.

– Умоляю тебя! – её голос вздрагивал. – Я не подойду, не потревожу, только сяду вот здесь. Разреши!

Даже сквозь сумерки прорывалось к нему отчаяние её огромных глаз, в которых дрожали слезинки.

– Пожалуйста... Пожалуйста... Милосердия прошу, благородный Рао-тэй. Неужели ожесточение вошло даже в твоё сердце! Тогда у кого искать его?

Он нахмурился, и она задрожала под его взглядом. Неужели она плелась за ним весь день? Это её запах доносился до него прошлой ночью, когда он почувствовал, что рядом в сплетении ветвей, листьев и лиан кто-то скрывается. Он даже слышал порой чьё-то дыхание. И только утром он увидел её бледное лицо, когда обернулся на шорох, и оно на миг показалось среди листвы, но тотчас отпрянуло назад. Некоторое время он ещё слышал позади себя то шорох, то жалобный стон. Это по его дублёной солнцем и ветром коже колючие ветки скользили, не оставляя следа, но сие воздушное существо никак не было приспособлено продираться сквозь чащу леса. Впрочем, сочувствия он не испытывал, он знал, что полудёнки лукавы, лживы, бесчестны, крайне эгоистичны. Они не помнят добра, а дающую руку могли бы, так оторвали бы вместе с подаванием. Странник не заметил, когда она отстала, просто перестал думать о ней.

И вот теперь она стоит в нескольких шагах от него, пугливо оглядываясь на тёмную стену зарослей. Как же она пережила прошлую ночь? И едва ли ей повезёт так во второй раз.

– Напрасно ты надеешься найти во мне защиту.

– Не надеюсь... Но кто осмелится приблизиться к тебе с дурными намерениями, Странник?

Да, тут она права – рядом с ним ей вполне безопасно. Он молча опустил голову на руки, она ещё постояла и тихо села поодаль.

Пару раз он просыпался, и всякий раз видел покатые сникшие плечики – она ни разу не переменяла положения, как опустилась в траву, так и сидела, подогнув под себя ноги. Потом его разбудил крик отчаяния и боли, он вскинул голову, увидел, как она вскочила и метнулась от зарослей, но сейчас же остановилась, равно боясь приблизиться к нему и оставаться на месте. Личико её теперь было бледным до голубизны, и половину его занимали широко распахнутые глаза, которые она не сводила с зарослей, – крик, вырвавшийся откуда, всё ещё звенел в ушах.

Он вдруг сузил глаза, всматриваясь в неё, и понял, что фигурка её и в самом деле сделалась полупрозрачной, жизни в ней оставалось совсем немного.

– Подойди ко мне, – голос его прозвучал слишком громко и резко, заставил её вздрогнуть всем телом.

Она не двинулась с места, будто приросла, и только полные страха глаза были теперь обращены к нему.

– Если ты боишься меня, зачем второй день вьёшься рядом, как надоедливая муха?

– Я не боюсь, – поспешно пролепетала она и поскорее шагнула вперёд, то ли желая подкрепить свои слова, то ли отрезая себе всякие другие пути.

Она остановилась в шаге от него, и в опущенных плечах было столько безысходной покорности. Он протянул к ней руку и, сжав тоненькое запястье, потянул к себе. Она качнулась и опустилась на примятую траву – рядом, но отдельная, боясь даже нечаянного прикосновения. Он усмехнулся и придвинул её к себе. Тело полудёнки было так холодно, что ему показалось – льдинка прикоснулась прямо к сердцу. Он высвободил свои волосы, и они рассыпались, как тёплым плащом укрыв её плечи.

– Спасибо, – шевельнулись её губы, и звук превратился в невесомое дыхание, коснувшееся его груди.

– Спи.

Голова её лежала у него на плече, упругие завитки кудрей щекотали подбородок, но двигаться ему не хотелось, а потом он уснул и до самого утра ни разу больше не проснулся.

...Уютно свернувшись, она лежала к нему спиной, как котёнок под тёплым боком у кошки. Если бы его длинные волосы не оказались под ней, он бы встал и ушёл, но теперь он лежал и рассматривал её. За два дня блужданий сквозь лес добрая половина её платья осталась на острых сучках и колючках, и тело кое-как прикрывали жалкие лохмотья, едва державшиеся на одном плече. Из чего была соткана странная материя платья? Ему не доводилось видеть ничего подобного. Да и называлось ли это тканью? Впору было поверить, что в основу из самой тонкой паутины вплели запахи цветов, и прохладу росяных трав, и переливы света в недрах перламутровых гротов.

Пристальный взгляд его спугнул некрепкий утренний сон – он понял это, услышав, как изменилось её дыхание. Он взял её за плечо и заставил повернуться к нему – из широко открытых глаз смотрел на него сам космос, только не чёрной бездной, а тёмно-синей, пронизанной искристыми точками, как мерцанием далёких звезд. Взгляд его скользнул ниже, и она судорожно прикрыла узкой ладонью маленькую грудь.

– Не странно ли, – усмехнулся он, – одеяние твоё превратилось в лохмотья, а на самой ни царапины.

– Разве ты не знаешь... – почти прошептала она. – Ведь ты сам исцелил меня.

– После того, как ты всю ночь тянула из меня жизнь? Да, знаю.

Глаза её сделались растерянными.

– Но ты позвал меня и спас мне жизнь! Разве принять помощь, обогреться теплом другого... разве это дурно?

– Да-да, убеди меня, что полудёнки перестали быть вампирами!

Глаза её скользнули в сторону, и голос едва шелестел:

– Я взяла лишь то, что ты мне дал...

– Почему ты одна? Я слышал, вы можете жить только в стае.

– Это так. Даже семья без стаи погибнет. Но пожалуйста, не спрашивай меня. Я не могу сказать правды, а лгать тебе не хочу.

– И это говорит полудёнка, самое лживое существо в мире! – хмыкнул он. – Ну, довольно. Ночь кончилась, ступай и постарайся до темноты отыскать своих.

– Рао-тэй! – она быстро поднялась, но осталась стоять на коленях. – Я не могу к ним вернуться! Позволь мне остаться с тобой!

Он потом и сам недоумевал, как случилось, что он позволил ей быть с ним рядом. Не иначе, колдовским был синий свет, струящийся из её глаз. Отчего-то жаль стало это никчёмное существо. Может, оттого, что рассмотрел – грязь, в которой она извозилась, не грязь, а засохшая кровь. Царапины и синяки за ночь исчезли, а следы крови остались на руках, на лице, виднелись сквозь рваные прорехи платья. Ею были покрыты босые ноги с маленькими ступнями.

Она снова плелась за ним где-то сзади, и хотя он шёл медленнее обычного, она всё равно не поспевала за ним. Он останавливался время от времени, поджидал её. Куда ему спешить? Потом он услышал короткий стон, помедлив, пошёл назад и увидел: кривясь от боли, она ковыляла впопыхах, неловко ставя одну ступню на бок и пятная кровью прошлогодние листья, – умудрилась пропороть ступню об острый камень. Ругаясь про себя, он взял её на руки и свернул к озеру, которое было неподалёку.

Сначала она молчала, потом спросила виновато:

– Тебе тяжело?

Ему стало смешно, – она была всё равно что мотылёк, опустившийся на плечо. Когда они вышли на травянистый берег, она, кажется, и думать забыла о ране – глубокая царапина успешно затянулась. Она подошла к воде, протянула руки, чтобы зачерпнуть её в пригоршни, и замерла:

– Ой! Это я?! Такая чумазая?! – она неожиданно рассмеялась.

Она плескалась в воде, смеялась тихонько чему-то. То, зажмурившись, поднимала голову, подставляла лицо солнцу, то ныряла, мелькнув в воде блестящей рыбкой. Он смотрел и удивлялся её легкости. Как умела она забывать боль, страх, огорчения? Ведь прошлой ночью она вышла к нему из дебрей измученная до полусмерти, израненная, и жизнь её истончилась до прозрачности. Неужели она не сознавала этого? Или полудёнки так мало ценят жизнь?

Выйдя на берег, она расправила прозрачные крылышки и помахала ими, стряхивая капельки воды, вдруг заметила его взгляд, скользкий по её фигурке, облепленной мокрой невесомой тканью, залилась румянцем и метнулась в заросли, подступающие к воде. Её не было довольно долго, но когда зашелестели шаги, он поднял голову и невольно улыбнулся: она зашила прорехи, используя вместо иголки и нитки длинные стебли травы. Лицо её засветилось – она приняла его улыбку как знак одобрения.

– Как тебя зовут?

– Итгиль, – тихо сказала она, будто прозвенел хрустальный колокольчик, или чистые капли разбились о поверхность воды.

Помедлив, она нерешительно села рядом.

– Почему бы тебе не воспользоваться крыльями? Тебе ведь трудно идти.

– В лесу тяжело. Мы любим простор лугов, где много солнца, неба. А в лесу сыро и душно, воздух такой тяжелый... в нём нельзя летать. Это всё равно, что плыть в густом киселе.

– Так зачем ты остаёшься здесь? Тебе всего лишь надо подняться над вершинами, а там простор и солнце и всё, что даёт тебе жизнь.

Она потупилась, а потом молча и умоляюще глянула на него. Рао-тэй хмыкнул и закрыл глаза, прекратив расспросы. Некоторое время она молчала, потом тихо попросила:

– Можно, я заплету твои волосы?

Опустив голову на скрещённые руки, он прислушивался к тому, как тонкие пальчики тихонько перебирают густые пряди его волос и делают это так осторожно, что не дёрнут ни волоса. Ощущения были ему незнакомы, они расслабляли, навевали приятную дрему, не хотелось ни двигаться, ни думать, ни говорить. Но как ни неспешны были её движения – всё закончилось, и она затихла, сложив руки на коленях. И вдруг проговорила:

– Как ты прекрасен, Странник. Я не знаю, никого прекраснее тебя... – и прохладная ладошка её медленно скользнула по плечу, а потом по спине, вдоль позвоночника.

Ему показалось, будто нечто истекает из кончиков её пальцев, растекается по коже колкими мурашками, и пронизывает её, рождая внутри тревожное волнение.

Он резко обернулся, и она отпрянула, будто откинутаая его взглядом.

– Не сердись! Я забылась... я не сделаю так больше!

– Чего не сделаешь?

– Я... не прикоснусь. Не смотри так... мне больно... – лицо её бледнело.

Рао-тэй осторожно сжал невозможно тонкое запястье и приложил её руку к своему лицу. Закрыв глаза, он чувствовал, как лёгкие солнечные лучи ласковым теплом касаются его щёк, век, губ. Он глянул вверх и увидел над собой плотный, непроницаемый полог кроны.

– Как ты это делаешь?

Она растерянно пожала плечами:

– Что?

Она не понимает?

– Ты просишь прощения и обещаешь, что больше не дотронешься до меня. Почему?

– Но... тебе неприятно. Ты сердит.

Неприятно? Называлось ли то, что исходило из её ладоней негой, ласковой истомой? Он не знал. Рао-тэй никогда не испытывал ничего подобного, но тело его откликалось на тихую ласку разгорающимся пламенем в крови.

– Итгиль... что ты со мной делаешь?

Она подалась назад, но он не выпустил её.

Он увидел ещё выражение недоверия в её глазах до того, как прижался к ней лицом. Она обхватила его голову, и Рао-тэй губами почувствовал трепет жилки на её шее и приник к ней губами. Охваченная дрожью, Итгиль заставила его поднять лицо, и он изумился выражению боли и горечи на её лице. Но она уже трогала лёгкими, быстрыми поцелуями его глаза, лоб, щёки, и ему казалось, что с каждым прикосновением горячих губ его пронзают горячие стрелы, причиняя и боль, и невыразимую сладость. Вот губы её скользнули по его губам, и Рао-тэй сжал её в объятии так, что она застонала, но он прервал этот стон нетерпеливым долгим поцелуем. Любовное томление стремительно нарастало, грозя взорваться, сжигая всякую рассудочность в огненной топке страсти.

И вдруг в глазах его сделалось темно, ему показалось, что в трепете серебристых крыльев на него падают десятки, сотни Итгилей, а ещё через миг он понял, что так оно и есть. Множество губ приникло к нему, покрывая всё тело Рао-тэя короткими и жадными, как укусы, поцелуями. И отдалялась, отступала от него та, единственная Итгиль, которую он желал так, как никого и никогда раньше. Он ещё попытался вскочить и стряхнуть с себя клубок из тел, но ноги его подломились – силы стремительно оставляли его. Лёгкие девичьи тела казались каменной глыбой, и он рухнул на колени, уже плохо понимая, что с ним делают.

Они выпили его всего и поднялись лёгким облачком, переливающимися всеми цветами радуги, и так же точно переливался многоголосый серебристый смех, отдаваясь и затихая.

Раскинув руки, Рао-тэй лежал и смотрел вверх, в синее безоблачное небо. Оно странно темнело в его глазах, и одновременно там, в высокой глубине разгорались звёзды, и длинные лучи тянулись к нему, как мать протягивает руки к сыну, возвращающемуся из долгих странствий. Но у него не было сил устремиться на зов, – неодолимой тяжестью повис на нём этот мир. А потом вдруг всё заслонило лицо Иттиль и отравило последние его мгновения горечью обмана и предательства. И всё неизбежной становился сон, который слишком покоен и не дарит видений – он закрыл глаза, желая как можно дольше удержать прекрасное видение, последнее видение.

...Когда затихли последние звуки довольного смеха, Иттиль выскользнула из густой кроны и слетела к простёртому на траве Страннику. Упав на колени, она прижала свои губы к его губам. Грудь Странника поднялась ещё раз, и веки дрогнули, и он снова увидел её. В затуманенное сознание всплыла смутная мысль: «Пусть. Последний мой вздох достанется ей». И, может быть, вследствие этой мысли он вздохнул полной грудью, потом опять и опять. А Иттиль всё не прерывала свой поцелуй. И тут волна гнева захлестнула его: подлое создание было приманкой в ловушке, расставленной вампирами! О боги, как она лжива! У него хватило сил отпихнуть её, и она молча покатила по траве вниз, к озеру, и осталась лежать без движений. Она смотрела на него огромными своими тёмно-синими глазами, которые на меловом лице казались совсем чёрными, и Странник увидел, что слёзы плавают в её глазах.

– Почему? – выдохнул он. – Почему ты отдала меня стае?

Губы её дрогнули, но она только закрыла глаза, крупные слёзы скользнули в траву.

Наверное, он забылся полусном, полубеспамятством. Потому что не видел, когда она снова подобралась к нему. Приходя в себя, он почувствовал, как прохладные ладони трогают его лоб, щёки, и снова захотелось обо всём забыть, только лежать и наслаждаться её прикосновениями. Но он поднял руку, чтобы ударить её, и услышал вскрик:

– Не надо! Не прогоняй! Не прогоняй... – в надломе её бровей было искреннее страдание. – У меня есть то, что тебе нужно, возьми. И тогда я сама уйду.

– Что у тебя есть?

– Моя жизнь. Возьми её всю. Я не хочу, чтобы ты умер.

Так что же, она не пила последнее его дыхание, а отдавала ему своё? Да, он и теперь чувствовал огромную слабость, но уже не смертельную.

– Скажи что-нибудь в своё оправдание...

Она опустила голову и покачала: «Нет».

– Тогда объясни.

Она колебалась, потом через силу проговорила:

– Я из младших. Для меня есть только закон послушания, больше ничего. Если бы я ослушалась, стая наказала бы меня... и всю мою семью. А изгнание из стаи – всё равно что смертный приговор.

Она не поднимала глаз, и Странник слушал недоверчиво – верить после того, что она с ним сделала?

– Но почему именно ты? Или ты из всех самая лживая?

Иттиль медлила с ответом долго.

– Они несколько раз видели, как я украдкой любовалась тобой... и смеялись.

– Вот как... – усмехнулся Рао-тэй, – и ты отдала меня, чтобы над тобой не смеялись?

Она взглянула на него коротко и едва ли не обиженно.

– Полудёнки выпили твои жизненные силы, когда они наполнились любовной страстью...

Через положенный срок у них родятся дочери. Твои дочери, Странник.

Дар речи не сразу вернулся к нему.

– Почему ты не ушла теперь с ними?

Она усмехнулась:

– Я так много сделала для стаи... Больше я им ничего не должна, и жизнь моя им не принадлежит. Я сама могу ею распоряжаться.

– Но ты же не можешь без них.

Иттиль посмотрела с печальной укоризной.

– Мне и не нужно. Я поверила, когда они говорили, что никакого вреда тебе не будет. Я просто боялась признаться себе, что не верю им, что знаю – они убьют тебя... Ты прав, Странник, я тоже вампир. Всё время, пока была с тобой рядом, я пила твою жизнь... чтобы отдать теперь.

– Ты сможешь протрубить в рог?

Ни о чём не спрашивая, она кивнула головой и сняла рог, что висел у него на груди. Встала, вытянулась в струнку и изо всех сил дунула в него. Густой и долгий зов поплыл над лесом. В ответ издали пришёл такой же трубный звук.

– Гон-а-Чейро, – Странник закрыл глаза. – Теперь всё будет хорошо.

Тишина плавала в мареве солнечного полдня, пока её не спугнул треск и шум, долетевший из леса. Шум приближался, и, наконец, продравшись сквозь заросли напролом, на озёрный берег вырвался получеловек-полуконь.

– Рао-тэй! – позвал он и увидел, бросился к Страннику, который лежал у подножия дерева, опираясь на него спиной. – Что случилось, брат?

– Мне нужна твоя помощь.

– Вижу. Но что делает здесь эта пиявка?! – возмущённо громыхнул голос, когда кентавр рассмотрел полудёнку, прижавшуюся к груди Странника. – Ах ты мразь! – он за волосы отшвырнул её прочь и поднялся на дыбы, заноса над нею копыта.

– Не смей, Гон! Она вернула мне жизнь.

– Этого не может быть! Ты ошибся! – Кентавр с ненавистью смотрел на Иттиль, закрывшую лицо руками.

– Я велю тебе оставить её.

Копыта гулко ударили в землю рядом с головой Иттиль, и она содрогнулась всем телом. Кентавр отвернулся от неё, как будто враз забыл о существовании, не достойном и капли его внимания.

– Что за беда случилась с тобою, брат?! Погоди... Уж не вампиры ли тут пировали?

– Да.

– Но ты мог сжечь их одним лишь взглядом!

– Не мог.

– Дьявол! – выругался Гон-а-Чейро, явно борясь с желанием обернуться к полудёнке и показать на деле, как одной лишь своей яростью он обратит это существо в облачко тающего марева.

– Ты не причинишь ей не зла, Гон. И не оставишь её здесь. Если не хочешь помочь нам обоим, уходи.

– О, дьявол! Ты хочешь, чтобы мир встал на голову, Странник!

– Пусть встанет, если того требует справедливость.

Кентавр молча подошёл к Иттиль, не особо церемонясь поднял её с травы и отправил к себе на спину.

– Ты удовлетворён? – сухо спросил он.

Рао-тэй улыбнулся чуть виновато, и суровость тотчас ушла из глаз Гона-а-Чейро:

– Сможешь удержаться у меня на спине?

– Это не нужно. Я сам, ты только поддержи меня.

– Тут недалеко пещера моего младшего брата.

Кентавр крепко обхватил Странника за пояс и помог встать. Рао-тэй обернулся – Иттиль лежала ничком на широкой спине Гон-а-Чейро, и показалась ему похожей на маленькую ящерку, приникшую к тёплому камню.

Гон-а-Чейро всё не мог сдержать переполнявшего его негодования и, поддерживая Рао-тэя, пенял ему:

– Как ты мог забыть всё, что тебе говорили? Да! Ты забыл! Иначе и на сотню шагов не подпустил бы к себе эту... – он не находил слов, чтобы выразить свою брезгливость. – Скажи правду... Нет, молчи. Я и так знаю, что во всём виновата эта мерзкая тварь, порождение лжи и подлости! И чем она заморочила тебе голову? Тощий заморыш! Разве я не звал тебя в долину людей? Любая из человеческих дочерей была бы счастлива разделить с тобой ложе, ведь род, в котором родится дитя, зачатое Странником, будет благословенным на много колен вперёд!

– Помолчи, Гон.

Рао-тэй почувствовал движение за спиной и увидел, что полудёнка пытается взлететь, но крылышки ещё не держали её, и она опять опустилась на широкую спину, жалобно глядя на Странника.

– Не бойся, Иттиль. Гон-а-Чейро гораздо добрее, чем хочет казаться.

Кентавр возмущённо фыркнул, но промолчал.

До пещеры оставалось ещё полпути, когда Иттиль снова поднялась в воздух, и на этот раз стремительно унеслась прочь.

– Тебе нужны ещё доказательства её фальши? – проворчал кентавр. – Она перестала притворяться, когда поняла, что больше ей никого не одурачить. И сбежала.

Страннику не хотелось ничего отвечать на это и не хотелось смотреть вслед Иттиль. Только почему-то сделалось сумрачнее. Наверное оттого, что лес теснее обступил путников.

Уже вздыбилась над верхушками серая скала, в подножии которой находилась пещера. Странником руководило единственное стремление – не свалиться под ноги кентавру. Для всех других мыслей и желаний не осталось сил. Он даже с трудом услышал возглас Гона-а-Чейро:

– Ну ты погляди!

Тяжело опираясь на друга, Странник смотрел на застывшую перед ними Иттиль – только серебряное мерцание за плечами подсказывало, что удерживает её в воздухе.

– Возьми же, скорее! – она сняла с шеи шнурок, завязанный на горлышке небольшого сосуда, и теперь протягивала его Гон-а-Чейро.

– Ух! Да он горячий! Что в нём?

– Это из Кипящих Ключей.

– Да будет врать-то! Ты просто сгорела бы там!

– Лучше поскорее напои Странника, глупый, – она не отрываясь глядела на Рао-тэя, потом приблизилась, обняла за плечи красными, обожёнными ладошками и прижалась к нему – ветерок от крыльев остудил его потное лицо.

– Или я и впрямь глупец, или не заметил, когда мир перевернулся... Тогда я тоже глупец, – бормотал кентавр, снимая с пояса баклажку с водой.

Он влил в неё несколько капель дымящейся жидкости и поднёс к губам Рао-тэя. Страннику показалось, что раскалённая лава полилась в него, но не обжигала, а растекалась по всему телу, наполняя каждую жилочку бурлящей и исцеляющей силой. Он глубоко вздохнул всей грудью, и, полный благодарности и нежности, скрестил руки на узкой спине, бережно прижимая к себе. Крылышки встрепенулись ещё раз, другой и остановились. И Странник увидел, что края их опалены. Он положил руку на упругие кудри и тихонько прижал её голову к своему плечу.

Про птицу

– Расскажи мне сказку.

Странник смотрел, как танцуют языки пламени в костре, и молчал. Отблески огня, как эхо танца, трепетали на его лице.

– Почему ты молчишь? – спросила Принцесса.

Он поднял глаза, улыбнулся:

– Там, где я был... Сказки не любят пустоты и холода. Они не приходили ко мне.

– Зачем же ты так долго ходил по тем плохим местам?

– Они не были плохими... пока я не приходил туда.

– И там совсем-совсем не было ничего хорошего?

Странник смотрел на неё, но будто думал о чём-то другом. Потом сказал:

– Я расскажу тебе историю. Эту сказку не я сочинил, она из давних времён, из дальних земель.

...Моя возлюбленная. В любую минуту я мог её видеть или слышать и продолжал хотеть этого каждую минуту. Она была со мной рядом много-много дней, а я всё ещё спрашивал себя, почему она выбрала меня? Неужели не исчезнет однажды? И иногда по утрам боялся открыть глаза, если не слышал рядом её дыхания – а вдруг мне приснилась моя возлюбленная?

Я рассыпал у её ног земляничные поляны. Заставлял родник выбиваться из-под земли, когда её мучила жажда. Я велел соловью ночь напролёт петь под её окном, и она восхищалась: «Он снова прилетел! Ну послушай же! Это волшебно!»

Наш дом на солнечной опушке был гостеприимен. Часто останавливались мои друзья охотники. Я знал, моя возлюбленная делала наш дом столь привлекательным для гостей. И я был горд, когда видел любование в их глазах и преклонение перед женщиной, которая была моей. Дивная, прекрасная, чистая, искренняя, с сердцем, раскрытым мне, как книга...

Соперники? Искать их среди тех, кто гостем являлся в наш дом? Да мне это и в голову не приходило! Любопытно было бы взглянуть на того, кто посмел бы.

Любопытно... Что ж... любопытство моё было удовлетворено.

...Заслыша стук копыт и лай собак, возлюбленная моя выпорхнула на крыльцо и просияла улыбкой навстречу всадникам. Моя милая умела улыбаться так, что даже пасмурный день начинал светиться! И было забавно смотреть на новичка-охотника, юного баронета, остолбеневшего при взгляде на хозяйку. Когда же она подошла к нему и промолвила своим божественным голосом: «Вы ещё не были у нас, ваше сиятельство. Милости прошу. Не обессудьте, здесь по-простому. Но если у вас будут какие-то пожелания, я думаю, мой супруг с удовольствием их исполнит», так вот, в тот момент юного нашего гостя едва не хватил двойной удар. Сначала оттого, что моя возлюбленная с ним заговорила, потом при взгляде на меня и осознании, чья женщина перед ним. Впрочем, хоть он и позабавил меня, держался баронет молодцом. Новички почти всегда теряются при знакомстве, а этот даже сказал всё, что данному моменту приличествовало, и почти не заикался.

Потом он бывал у нас часто. И слишком открыто боготворил мою возлюбленную. Слишком явно его перестала интересовать охота. Я знал, мои друзья говорили ему, как опасно играть с огнём. А я... в какой-то момент я вдруг обнаружил, что его появление в моём доме меня раздражает. Мне стало досадно – как я не заметил перемену в себе, как позволил её? Но ещё и тогда я самонадеянно думал, что сердце моё никоим образом не может уязвить такая мелочь, а уж ранить чтоб... об том и речь вести смешно!

...Однажды я вернулся домой под утро, усталый – всю ночь наблюдали звёздное небо со старым звездочётом и спорили о природе явления, которое, впрочем, к делу отношения не имеет. Всю обратную дорогу я подгонял коня, соскучившись по любимой моей. Не тер-

пелось неслышно войти в сонный покой дома, увидеть её, спящую, невесомо прикоснуться губами к чистому лбу и послать волшебный сон, который она утром с восторгом будет рассказывать мне.

... У коновязи стоял конь баронета, а спальня была пуста. И дом был безжизненно пуст. Букеты печальных цветов не источали ароматов, и когда мой угрюмый взгляд скользнул по ним, вдруг превратились в стайку мотыльков и испуганно метнулись по сторонам.

На столе я обнаружил хрустальную бутылку с малиновым вином и два бокала. Вино ринулось вверх фонтаном, ударило в потолок, а потом медленно расплылось по белой скатерти кровавым пятном. Бокалы на моих глазах перекосячили, и они стали похожи на цветки ландыша. Тогда я вклеил их в стену один за другим. Они застыли там прозрачными кляксами.

Потом я сидел на ступеньках крыльца с закрытыми глазами и смотрел, как они идут из лугов. Посеребрёнными луною высокими травами. Он что-то говорил без остановки, вдохновенно, смотрел влюблённо... Они были похожи на двух детей. Было противно подсматривать, но я не мог не смотреть. Во мне поднималось тёмное, опаляющее... разум вяз в этой мути.

Она улыбалась. Её улыбка, свет в глазах были моими, но сейчас она дарила их не мне. Он умолк, и она вдруг поцеловала его порывисто.

Тогда я встал перед ними.

Я не метал искры, я заморозил свои чувства. Но их испугал даже лёд. Я едва не расхохотался, когда баронет шагнул вперёд и заслонил собой мою возлюбленную. Защитник! Смелчак! Встать вот так, с вызовом... Передо мной?!

Но она вдруг рванулась из-за его спины. Теперь моя любовь, моя идеальная жена стояла передо мной, с гневом и страхом в глазах. Они жгли. Как болезненные ожоги сердца...

– Не смей! – отчаянно сказала она. – Отпусти его!

Мальчишка исчез.

Страх сделал её отчаянно смелой.

Я молчал.

А она говорила о том, что свободна, что я высокомерный гордец, собственник, говорила... говорила...

Я протянул руку, и она обмерла на полуслове. Вообразила, что обрушу на неё огненный вихрь? Или ударю?

На шее трепетала голубая жилка. Как любил я трогать её губами. Я провёл пальцем по нежной коже... по тёплому шёлку волос... шепнул:

– Свободна. Лети.

На ладони моей сидела золотая птица. Миг... другой... она смотрела на меня чёрными жемчужинами. Потом вдруг прильнула, прижалась – в центре ладони я слышал неистовый трепет маленького сердечка. Поднял руку и слегка подкинул: лети! И тогда она сорвалась в полёт – падала в небо, как в пропасть.

Зима облюбовала мой дом. Я холода не замечал, сам источая его, а для гостей разжигал очаг, и ледяные языки голубого пламени зло плясали по чёрным головешкам. Но они всё равно мёрзли. Впрочем, гости теперь были не часты, и появление их слишком напоминало посещение больного. Я не был болен. Я умер.

Они рассказывали новости. Баронет странно болен. Сначала он пропал, и его долго искали. Нашли за тыщу миль от дома, при этом он ничего не мог объяснить – у него пропала память. «Талантливый был мальчик... удивительные стихи сочинял...»

Я усмеялся про себя: так вот куда он исчез тогда. Моя возлюбленная просила его отпустить, и я приказал ему убираться, и, вероятно, забыть к нам дорогу. М-да... насчёт «забыть», я, кажется, немного не рассчитал.

И я услышал о странной птице в золотом оперении, что часто вилась вокруг людей с непонятным упорством, но в руки не давалась, и ловушки её не брали.

Я сам видел иногда ту птицу. Во сне. Она прилетала к окну и смотрела на меня, спящего. Пока ледяной порыв ветра не отшвыривал её, безвольную, далеко прочь. Я не люблю, когда на меня так смотрят.

Поздней осенью дожди часто стучали в мои окна, а мне казалось – бьётся о стекло моя золотая птица. Я распахивал все окна – пусть входит дождь или кто бы то ни было. Но только ветер свистел по дому, не давал покою жёлтым листьям на полу.

В одну лютую ночь, когда в лесу кто-то стонал и жалобно плакал, а лужи на полу схватывались хрупкими ледяными иголками, я сидел перед очагом с голубым пламенем. Я теперь часто так сидел в кресле перед очагом, с седой волчьей шкурой на плечах.

Кто-то ехал ко мне по ненастному лесу. Ветер врывался в открытые окна вместе с запахом конского пота и запахом страха.

Охотники... кажется, когда-то они были моими друзьями... вошли молча. Я долго смотрел на маленький комочек, лежащий передо мной. Золотистый свет погас, превратился в цвет безысходной тоски.

– Она давно бросалась под выстрел.

Я не знаю, когда они ушли. Под закрытыми веками больно жгло, растапливало колючие ледяные иглы, в которые тысячу лет назад превратились мои глаза.

Я покинул наш дом в ту ненастную ночь, устроив из него погребальный костёр для моей возлюбленной, и поклялся навсегда позабыть волшебство и никогда не иметь дома. И наложил на себя суровое наказание, дабы крепче помнился обет.

...Трещали ветки в костре, искры улетали в небо, мечтая стать звёздочками...

– Он оттаял? – тихо спросила кареглазая принцесса.

– Не знаю.

Она долго молчала, а потом сказала:

– Пожалуйста, никогда не превращай меня в птицу. Никогда не отпускай на волю.

Странник улыбнулся:

– Это чужая история. От неё теперь только песни остались.

– Всё равно. Пообещай, что никогда...

– Никогда... навсегда... я бы хотел забыть эти слова, чтоб не вырывались даже ненароком. Человек не имеет права давать обещания сроком на целую вечность.

– Почему?

– Он не имеет власти над вечностью. А всё, что в его власти, всё, чем владеет, имеет слишком короткий срок жизни.

– И любовь?

Помедлив, Странник сказал:

– Да. Её срок жизни, как правило, короток. Многие живёт гораздо дольше.

– Ты принёс стужу из своих лютых, недобрых стран...

– Прости. Я забыл, ты просила сказку. Но она ведь была красивой?

И в эту секунду в середине ладони он услышал вдруг отчаянное, болезненное трепетание маленького сердечка.

Фокусник

Качнулся меховой полог, приоткрылся, и в фургончик просунулась мордашка с румяными от холода щеками. Внимательные глазёнки прошлись по внутренности фургона и остановились на его хозяине, сидящем на сундуке перед зеркалом. В руке у него была баночка с гримом.

– Наконец-то я тебя нашла! – сообщила гостя.

– Да? А я терялся? – вопросительно поднял бровь хозяин. – Да ты входи, коль нашла.

Девочка поднялась по ступенькам, стянула рукавички, сунула их в карман и потёрла озябшие руки.

– Ты волшебник, – полуутвердительно сказала девочка, вызвав у хозяина замешательство. Он помедлил и всё-таки кивнул:

– Можно и так сказать.

У него были молодые глаза и седые волосы. Потому возраст определению не поддавался.

– Нет-нет, «не сказать»! Ты самый настоящий волшебник! Так все говорят.

– А зачем тебе волшебник? Ты хочешь что-то попросить у него?

– Да. Он может мне помочь... – кажется, девочка не готова была вот так сразу высказать свою просьбу. Она замолчала, сжала губы, а потом на одном вдохе выложила:

– Я больная. Лекарши уже лечили, лечили... А потом незнакомя старуха на рынке сказала... Я вылечусь, если зимой загорится радуга. А для этого нужен волшебник.

– Чем же ты больна?

– Я не умею смеяться.

Мужчина пристально посмотрел на неё, нахмурился и сказал:

– Детка, я не волшебник. Я просто фокусник.

– Но люди так говорят. Вот когда у нас самые трескучие морозы, везде начинают говорить: значит, скоро появится Он, и морозы уйдут!

– Это же неправда. Я не умею прогонять морозы.

– Тогда почему вместе с тобой приходит оттепель? Так всегда бывает. И ещё вот это, – указала она на мантию звездочёта, висящую на крючке.

– Всего лишь наряд фокусника. Я показываю весёлые фокусы, могу заставить человека рассмеяться, даже если ему грустно. Может быть, я смогу развеселить тебя?

Над замороженной площадью то и дело слышались взрывы смеха, удивлённые восклицания и снова смех. Люди забыли о морозе, глядя на фокусника. А на помосте творилось весёлое волшебство. Вокруг бродячего фокусника били фонтаны разноцветных искр, из белой кроличьей шапки-ушанки вылетали большие бабочки и летали над восхищёнными зрителями, и глаза взрослых людей сияли так же, как у детей. Потом фокусник нахлобучил ушанку какому-то мальчугану, и тут оказалось, что на голове у того сидит белый кролик. Кролик спрыгнул на брусчатку и неторопливо вернулся к хозяину под хохот зрителей.

А девочка за всё время ни разу не улыбнулась. Иногда губы её кривились, как будто она пыталась изобразить улыбку... но казалось, что она собирается заплакать.

В руках у фокусника появились разноцветные мячики и он принялся жонглировать ими: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый... Мячики летали из руки в руку всё быстрее-быстрее... и слились в семицветную радугу!

Девочка смотрела печально. Мячики пролетели мимо ладоней фокусника, запрыгали по помосту, укатились под ноги зрителям.

– ... Я знаю, ты хотел помочь. Но это же не настоящая радуга получилась, – рассудительно говорила девочка в тёплой кибитке.

Кажется, она утешала взрослого седого мужчину. Гостя пила горячий чай, а хозяин стирал грим с лица. Он уже выяснил, что девочка приехала с почтовым фургоном, когда узнала, что фокусник появился в соседнем городке. «А почему он не должен был меня с собой брать? Они же все знают, что я ишу... искала тебя.» Родственников здесь у неё не было, но это её не печалило. «Постучусь к кому-нибудь», – пожимала она плечиками, как взрослая.

– Оставайся, – предложил хозяин. – Ты же ко мне приехала. В фургоне тепло.

– Ладно, – согласилась девочка.

Девочка спала, завернутая в пушистые шкуры. А бродяга-фокусник выбрался из фургона и присел на ступеньку, привалился к задней стенке. Он смотрел на круглую луну и яркие звёзды. Городок засыпал. Гасли окна. Одно, другое... последнее...

В ободранный носок сапога котёнком ткнулся белый мячик. Фокусник поднял его, подержал на ладони, встал... вдруг размахнулся и закинул мячик высоко в небо. И в этот миг через всё зимнее небо полыхнула разноцветная радуга и повисла над городком.

Девочка спала, ей снился волшебный сон. Она счастливо улыбалась и думала, что утром не забудет этот сон.

О смерти

Он сидел у обочины дороги, протягивал к костру озябшие ладони. Вокруг была ночь и звёзды.

Он не заметил, когда из темноты бесшумно проступила тёмная фигура. Наверно её и заметить нельзя было. Просто, подняв глаза, он увидел, что уже не один. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо. Окинув фигуру беглым взглядом, он подумал, что это женщина.

Поднял с земли холщовую сумку, вынул свёрток и тёмную бутылку. В тряпицу был завернут хлеб, и он разломил его, протянул половину тому, кто сидел по другую сторону костра. Тот помедлил и высвободил руку из широкого рукава. Он задержал взгляд на тонкой изящной кисти, чуть улыбнулся – может быть, только глазами.

Они молча съели хлеб, запили его вином, передавая бутылку друг другу. Потом он спросил:

– Тебя зовут...

– Та-которая-приходит.

– Ты пришла за мной?

– К тебе.

Он приподнял бровь: велика ли разница? И вдруг подумал, что когда-то так уже было – ночь, звёзды, двое у костра и карие глаза напротив... Он захотел, чтоб воспоминание скользнуло по его сознанию, не задерживаясь, не тревожа. И оно ушло.

– У меня есть право на последнее желание? Я хотел бы увидеть твоё лицо.

– Мне нравится, что ты не боишься меня. Так бывает, но редко. Только сильные духом до конца остаются собой, обычно люди сильно меняются, едва почуют моё приближение.

Она сдвинула назад капюшон, он упал на спину. Она была прекрасна. На тонком лице светились глубокие печальные глаза.

– Ты прекрасна, – сказал он. – Я никогда не думал, что ты так прекрасна.

– А думал ли, что каждый имеет свою смерть, не похожую ни на чью другую?

– Признаться, я мало об этом думал.

– Тебе казалось, что будешь жить вечно?

– У меня и так была слишком длинная жизнь.

– Ты хорошо её прожил?

– Пожалуй... хуже, чем мог бы. Вот, всё что у меня есть – холод, дорога и звёзды. Я не оставляю ничего, о чём мог бы сожалеть. А если я не сожалею, то люди и подавно не будут. Выходит, я не оставлю после себя ничего.

– Может быть, ты просто забыл? Прогнал из памяти всё, достойное сожаления. У меня есть для тебя подарок.

– Подарок в час смерти? Это забавно.

– Потанцуй со мной.

Он встал – под сапогами скрипнула пожухлая от мороза трава. Протянул руку. И она вложила в его ладонь тонкие холодные пальцы.

Музыка зазвучала прямо в сердце, понесла, закружила.

Проблески сознания дарили ему удивление. «Неужели умирание так прекрасно? Я уже мёртв или ещё нет? Наверное, да, иначе откуда эти звёздные россыпи под ногами вместо седой от мороза травы? Куда делась её чёрная хламида?» С ним танцевала девушка неземной красоты, хрупкая и невесомая. Он обнимал её стан, и собственные ладони казались ему ужасно грубыми, как будто их из дерева топором вырубали.

Лёгкие кудри её летели, прикасались к лицу, дарили мимолетную, нечаянную ласку. Платье мерцало странными мягкими переливами, они затухали и разгорались опять, а длинный шлейф рассыпался звёздами в ночи, или это звёзды собрались, чтоб стать её шлейфом...

«Я умер?... Или ещё жив?..»

– Я хочу поцеловать тебя, – сказала она, и он ничего не ответил, только тонул и тонул в её глубоких тёмных глазах.

Тонкие руки скользнули по плечам, обвили шею. Мягкие губы прикоснулись к его губам, и он закрыл глаза, всем существом своим отдаваясь этой последней в жизни ласке и благодарный за неё.

...озноб и тишина. холодная трава под босыми ногами. и одиночество до отчаяния. вдруг ласковые руки и всеобъемлющее тепло, в котором растворилось без остатка всё дурное.

Мама... Неловко шевельнулись губы, отвыкшие от слова. И жжёт под веками... забыл... пожухлая листва засыпала плиту. Прости... Я виноват перед тобой... А память влечёт всё дальше... сквозь всё, что было радостно и больно, и стыдно... босым, по сожаленьям, что сделанного не вернуть и прожитого не исправить. Где поступить не мог иначе и мог. Прощать и быть прощённым. Как больно режут осколки того, что разбивал и уходил не обернувшись...

– Память – палач, ты научил воспоминания проходить мимо, едва касаясь тебя. Но забвение – убийца. Я вернула тебе твою память. Это мой подарок. Скажешь, как распорядился им, когда приду за тобой, Странник.

Она тихо провела ладонями по его волосам, стирая иней, посеребренный его голову.

Холодная владычица

Степь укрылась печальной вуалью, сплетённой из седых ковылей. Лёгкая, как лунная дымка, она летуче струилась и переливалась серебристыми тенями. Ветер грозился сорвать её и унести прочь.

Странник смотрел, как выкатилась круглая луна, от неё вниз потянулись тонкие лучи, подобно мерцающим струнам, натянутым между землёй и небом. Тихо-тихо полились прозрачные звуки, будто лёгкие пальцы невесомо тронули струны волшебной арфы. Ещё было спокойно и ясно. Но ветер уже дерзко вился меж струн и вплетал свою песню. Про то, что над землёй плывёт ночь Холодной Владычицы. Вот-вот помчатся по лёгким ковылям серебристые волки, голубыми инеями оборотят лунный свет и расстелют к ногам Хозяйки.

Страннику всегда было тоскливо накануне ночи перемен. Вероятно оттого, что любил тёплые ветры с медовым запахом летних полей. И сегодня тоже тянула душу непонятная тоска, будто потерял что и никак не найти... и не знаешь, что искать. А может, это луна... Всякая ночь полнолуния близка к ночи перемен.

Ветер толкнул в спину, взметнул волосы, и будто кто стужей дохнул сзади в шею. Пора. Конь осёдлан. И звёзды сложились в тропу. Открываются Врата.

– Ждэшшшшш... – прошелестела трава, расступаясь перед ним.

– Посстой!.. Сссскоро!.. – неожиданно резко свистнул холодный ветер.

«Жду? Я бы не огорчился, если бы она задержалась, – усмехнулся Странник. – Но её визит несколько не зависит от моих желаний».

– Опять уходишь, Странник? – мелодично и холодно прозвучал голос.

– Владычица? – обернулся он. – Что я вижу! Ты пришла до срока?

– Хотела увидеть тебя. Я не умею ходить твоими дорогами, – посмотрела она на звёзды, и в её глазах он увидел отражение Созвездия Тропы, – ты опять ускользнул бы от меня.

– Путники не любят лютых ночей. Зачем я тебе?

– Лютых. Верно ты сказал. Разведи огонь.

– Ты удивляешь меня. Для чего тебе огонь? Ты ведь не любишь его.

– Он нужен тебе. Боюсь, застынешь вблизи меня.

От длинного платья Владычицы ширилось, росло пятно стылой травы. Мириады крохотных кристаллов распускались на каждой травинке. Они переливались, блистали гранями. Владычица стояла в переливчатом хрустальном сиянии, похожем на те небесные игры света, что видел он в Лютой стране.

– За меня не бойся, – усмехнулся Странник. – Я привык.

– Ты привык, – эхом повторила она. – К чему ты привык?

– К холоду.

– Потому что это твоё. Ты сам несёшь холод, в себе.

– Прости, Владычица – ты говоришь ерунду.

– Дерзишь? – Она расхохоталась. – Так ответь хотя бы себе, дерзкий Странник, почему в тебе нет страха передо мной?

– А когда я боялся тебя, Владычица? – насмешливо приподнял он бровь. – Разве мало бродил я по Лютой стране? Мало ночей провёл в твоих снегах? Правда, говорят, теперь ты стала жёстче. Травишь ночных путников волками.

Она покивала головой, но сказала:

– Поговорим прежде о тебе. Ты не чувствуешь моей лютости, не боишься меня, – ты стал как я. Замораживаешь. Вблизи тебя умирают тёплые чувства. Ты это знаешь?

– Неправда, – скривил он губы.

Она движением руки прервала его.

– Правда, мой Странник. Тебе ведь уже называют Печальным Странником. С тобой приходит печаль, а значит, уходит радость. Помнишь свою самую лютую ночь?

Помедлив, он сказал:

– Она была не в этой жизни.

Она усмехнулась:

– Ошибаешься.

– Пусть так. Помню. И что?

– Золотая птица умирала, а ты, волшебник, ничего не сделал, чтоб спасти её, – она опять резко подняла руку, останавливая его. – Что бы ты ни сказал сейчас – она убита тобой, разве не коришь ты себя в том? Ещё как коришь. Но ты забыл, что то была ночь перемен, моя ночь. Это я сковала твою волю. Это мой ветер выстудил твоё сердце. Ты стал моим в ту ночь, Странник.

– Сейчас зачем пришла? Снова выстудить моё сердце? Не много же тепла тебе достанется.

– Твоё сердце, сердце, из которого вынута любовь? Нет, мне оно не нужно.

– Так зачем ты пришла ко мне?! – раздражаясь, резко спросил он.

– Чтоб отдал то, что вам не нужно.

– Нам?

– Тебе и твоей принцессе. Её любовь к тебе. Так будет лучше вам обоим. Любовь не признаёт правил, законов, дворцового протокола, потому она только мешает принцессе исполнить назначенное! Но мешает и тебе. Тяготит несвободой, иллюзорным долгом перед ней. Я избавлю вас от неразрешимых проблем и бессмысленных страданий. Только, прошу тебя, не воображай ничего ужасного. Тебе не придётся возлагать несчастную принцессу на ледяной жертвенник. Всего лишь толкни створки её окна сегодняшней ночью. Впусти к ней ветер. Утром ты увидишь её живой и здоровой. И совершенно спокойной. Она благосклонно примет очередное предложение руки и сердца к радости короля и королевы, а так же всех обитателей здешнего королевства, и проживёт спокойно и счастливо.

– Без любви в сердце? Превращаясь в подобие тебя? Научится гасить тепло вокруг себя?

– Тут беспокоиться не о чем, она обычная смертная, и жизнь её гораздо короче твоей. Она не успеет стать подобием тебя или меня. Просто проживёт свою коротенькую жизнь спокойно и разумно. И с доброй улыбкой будет вспоминать свою девичью влюблённость. Отдай мне то, что тебе не нужно, помоги ей выздороветь.

– Но это не моё.

– Как раз твоё! Её любовь принадлежит тебе. И не нужна. Разве не ценишь ты более всего свободу? Так ступай своей звёздной тропой и не возвращайся. Сейчас мне пора спустить стаю. Все пойдёт как должно. А когда прилетит ветер, сделай, как я прошу.

– Постой. Скажи. Ты хочешь отогреться чужой любовью. А если я перестану закрывать своё сердце перед любовью принцессы? Оно тоже отогреется? Как твоё?

Владычица скривилась, покачала головой.

– Её любви не хватит на двоих. Отдай её мне и... не уходи. Останься со мной. Ты стал равным мне, и я готова разделить с тобой всё, чем владею.

– Чем ты поделишься? Умением равнодушно отнимать любовь, жизнь?

– Ты никогда не задумывался, Странник, как меняется человек, после того, как одной ногой шагнёт за черту? Я даю человеку этот миг. Даю понять, что в последнее мгновение жизни он уже не успеет примириться с другом, попросить прощения у матери, сказать что-то важное сыну. Что они так никогда и не узнают, как он любил их. Я заставляю его понять, что у него была целая жизнь, а он тратил время бездарно, оставляя на потом самое важное. И вот никакого «потом» уже нет. Если осознание этого переворачивает его душу, я возвращаю его. И он счастлив, что у него ещё есть время творить добро. Я раздуваю костры жизни. А ты говоришь – равнодушно убиваю. Ты совсем не знаешь меня, мой Странник. Что, если я скажу, как страстно

хотела бы испить того яда, что зовётся любовью? Поверишь ли, что хочу почувствовать, как разливается он пламенем в груди и помрачает разум. Напой меня тем ядом. И научи открывать Врата, чтоб могла ходить с тобой звёздными тропами. Теперь я уйду. А ты сделай правильный выбор.

...Он стоял в открытой, продуваемой ветрами галерее. Здесь любила гулять принцесса. Окна в её покои были теперь за его спиной. Странник пришёл к её окнам, ещё не зная, зачем. Был час, когда сон одолевает даже полуночников. Люди спали. Луна заливала мир холодным сиянием. Странник увидел, как лунный свет начал мерцать крохотными голубыми искрами. Короткая вспышка – и искра остывает. Будто пепел, невесомо кружится остывший свет, выстилает белым королевство маленькой принцессы. Некоторые ложились на губы Страннику, коротко обжигали.

А по степи теперь неслышными призраками несётся волчья стая.

Ледяной ветер свистнул вдоль галереи, улетел. Но вот новый порыв упруго и сильно толкнул Странника в грудь, впился ледяными клыками. Странник слушал – в голосе ветра то прорывался леденящий душу вой, то чей-то горький плач.

Ветер метался тугими вихрями, трепал волосы, откидывал плащ далеко за спину, рвал его с плеч. Просторная рубаха облепляла грудь Странника, как будто жалась к нему от холода. На галерею ступила сама Владычица, подошла близко, посмотрела в глаза.

– Ты сделал выбор?

– Да.

– Тогдапусти к ней.

– Скажи... я нужен тебе?

– Я уже сказала.

– Но поставила условие.

– Это не условие... – Странник увидел как на красивом и холодном лице возникло замешательство.

В следующее мгновение Владычица сжала губы, топнула ногой:

– Это не условие! Я хочу растворить в своём сердце её любовь к тебе! Согреться ею. Может быть, я хочу научиться любить!

– Научиться любить, подглядывая в чужие шпаргалки? Я возьму тебя с собой. Но девочку ты оставишь в покое.

И в это время за спиной Странника распахнулось окно, створки с треском ударились о каменную стену. Он не обернулся. Он смотрел на Владычицу и видел, как жадно метнулся её взгляд ему за спину. Странник вскинул ладонь – и вовремя! Ледяной ветер ударился с лету и разбился о его непреклонность.

– Ты оставишь девочку в покое. Я сказал. – Он произнёс слова с такой лютостью, что они смерзлись и зазвенели. – Иначе во мне получишь врага.

– Кто эта дама? – прозвучало испуганно. – Чего она хочет от тебя?

– Ничего, моя принцесса, – он обернулся, взял её руку, коснулся губами. – Вы же помните – сегодня Ночь Перемен. В ваше королевство пришла Холодная Владычица, – склонил он голову в сторону гостьи. – Однако на этот раз она тут не задержится. Сейчас мы уйдём. Навсегда. И стужа больше никогда не придёт в эти места. Но меня вы не увидите тоже, моя принцесса. Прощайте.

Он протянул руку Владычице.

– Ты хотела идти моими дорогами? Врата ещё распахнуты.

Она вложила в его ладонь тонкие холодные пальцы и скривилась, когда рука Странника обожгла их. Но он держал крепко, да она и не отнимала руки, терпела, откуда-то вспоминая это ощущение – терпкая боль, когда озябшие руки подносишь к огню, и они начинают отогреваться.

– Прощайте, принцесса.

Прижав кулачки к губам, она смотрела, как он встал на широкую каменную стену, и незнакомая дама встала рядом с ним. А потом он шагнул со стены... крик застрял в горле у принцессы. Но они просто шли рука об руку... И принцессе показалось, что им под ноги стелется мерцающий туман, и рядом, как послушные собаки, идут белые волки. Глаза наполнились слезами, и всё поплыло. Принцесса смахнула поспешно слёзы... и одно лишь звёздное бескрайнее небо лежало перед ней. Больше никого и ничего. Только плащ Странника остался на полу галереи под окном принцессы.

Печальная

Ветер свистел в каменных расселинах, вылизывал до блеска ледники. Здесь даже солнце было холодным. Страна вечного холода, слепящего ледяного блеска и завораживающих картин нарисованных на чёрном холсте неба переливами света. Чародейные картины отнимающие память. Очаруют, покажут, чего нет, и заманят на кручи погибельные да на снежные поля, где под тонкими покровами невинности таятся бездонные ледяные трещины.

Ветер свистел, крутил снежные вихри, швырял их на скалы, раздирал о каменные клыки.

Странник стоял над обрывом и смотрел на жёлтый огонёк. Далеко на утёсе ровно и спокойно светилось... окно? Откуда? Кто может жить среди этих промороженных скал? Даже в Лютой стране люди предпочитают селиться на заснеженных равнинах. В горах же Странник встречал лишь гордых белых орлов да снежных барсов.

Он давно не видел жёлтого света. Его цветами в последнее время стали белый – цвет снега и льда, и чёрный – цвет камня. Ещё переливались холодные сполохи зелёного и голубого. А в жёлтом почудилась теперь частица летнего полдня.

...Вблизи вершины к скале лепился маленький домик, на окне стоял фонарь, а на пороге дома стояла женщина, кутаясь в плащ.

В тот миг, когда Странник поднялся по склону и появился перед домом, женщина порывисто шагнула вперёд, и на лицо её упал свет фонаря.

– Принцесса?.. – изумлённо и неуверенно проговорил Странник.

– Ты пришёл! – улыбнулась она. – Я знала, рано или поздно ты придёшь.

– Принцесса, почему вы здесь?! Что случилось?!

– Я не принцесса, не называй меня так. Я давно живу здесь и жду тебя.

– Но здесь нельзя жить!

– Да... здесь очень холодно и очень одиноко, но без тебя и во дворце было так же. А здесь меня грела надежда на встречу. Я догадалась, что сюда ты когда-нибудь придёшь.

– Милая девочка... зачем же ты...

Странник опустился коленями в снег и обнял её, прижался.

– Ты прости меня. Я виноват...

– Ну что ты. В чём? Разве в том лишь, что не шёл так долго, – она положила тёплую ладошку ему на голову, на волосы, запорошённые белым. Холодные колючие снежинки зло жалили её ладонь. – Я никогда не гасила фонарь на моём окне, чтоб ты увидел. Странники ведь обязательно приходят на тёплый свет. Особенно, если ночь и ненастье. Поэтому я любила ночь, и когда ветра воют. Правда, одной было немножко страшно. Ты помнил обо мне?

– Да... – с запинкой, проговорил Странник. Он прижимался лицом к колючему плащу, потому наверно, голос его звучал глухо. – Помнил. Но думал, ты счастливо живёшь в своём маленьком королевстве, где всегда лето... Почему всё не так, девочка? Зачем ты предпочла холод и одиночество?

– Как ты не понимаешь? – Голос её дрожал. – Я ничего не выбирала. Не из чего было выбирать. Я только ждала, когда ты поймёшь, что сам ошибся в выборе. И вот ты вернулся. Если бы ты знал, как я счастлива сейчас... – прошептала она и умолкла.

Странник молчал, не находя слов, не зная, что сказать ей. Сердце его стучало медленно и гулко, отдаваясь трепетом в самых кончиках пальцев. Потом трепет затих... исчез... и он понял, что не его сердца трепет отдавался в ладонях.

– Зачем ты сделал это? – услышал Странник голос за спиной, и в затылок дохнул ледяной ветер.

– Отпусти её.

Странник разжал руки, и они упали безвольно. Плащ соскользнул с плеч принцессы, упал к её ногам. Тогда Странник поднял глаза на ледяную статую, которая минуту назад была живой девушкой.

– Я ведь говорила – её любви на двоих не хватит. Хотя тогда – возможно, хватило бы. Теперь ты другой. Тебя даже волки мои боятся. Поглядишь – они хвосты поджимают и на брюхе елозят. А она... на беду тебя встретила, на беду полюбила. Вот согреть пыталась, да ты заморозил. Знаешь... уходи. Совсем уходи. Ты теперь сам такой же лютый свет, – кивнула она на зелёные сполохи. – Манишь, чаруешь, уводишь... А потом разбиваешь сердца. Даже на меня, – усмехнулась Хозяйка, – чарование твоё пало, мечтами тешило. Да, видно, и впрямь, ты рождён для свободы и одиночества.

Странник встал молча, шагнул к обрыву.

– Поймай. – Владычица подняла со снега плащ, протянула ему. – Ты оставил тогда, в галерее.

Он шагнул со скалы на Тропу. Владычица печально смотрела ему вслед, увидела как сошлись створки Врат, насовсем. Волшебник положил на них заклятие печати, чтобы никогда не возвращаться в мир, где так хрупки человеческие сердца.

...Путникам известно созвездие Печального Странника, и они охотно выверяют по нему свой путь. Созвездие горит даже в тот близкий к утру час, когда блёкнут все другие звёзды. Как будто всё ждёт и ждёт кого-то, и только свет солнца заставляет уйти туда, где прячется ночь.

А статуя ледяной девы стоит на вершине утеса. Призрачные серебристые волки часто лапятся к её ногам. Протянутая рука всё пытается стряхнуть снег с побелевших волос любимого, и волки тычутся, подставляют лобастые головы под тонкую ладонь.

Мы встретимся опять

Прорицание

*Есть у сна свой мир,
Обширный мир
действительности странной.
Байрон «Сон»*

– Мой господин...

Испуганный, но настойчивый голос звал, проникая в сознание. Феррах повёл глазами, прежде чем осознал, где находится. Он тряхнул головой, недоумевая, сколь далеко отлетел мыслями. С неудовольствием бросил взгляд на шиссита, преклонившего колени у входа – низкородный прервал течение его мыслей.

– Мой господин, – поспешно утыкаясь взглядом в собственные колени, торопливо заговорил шиссит. – Одна из женщин, что куплены на рынке Кум-Эрака, отказывается принимать еду и питье. Погонщик видел – она укладкой всё выплеснула в песок.

Брови ферраха дрогнули, сошлись гневной складкой. Он не сомневался, о которой из женщин идёт речь. Как осмелилась?! Феррах и сам видел – она тает на глазах, но винил в том тяготы пути, вёл караван скорее обычного. Так дурачить его?! Как смела?!

– Привести!

Через считанные минуты она стояла перед феррахом – бледная, тонкая, с прямой спиной, вся подобранная в струнку. Наполнив чашу водой, он резко протянул ей. Она вскинула глаза, обожгла непокорным пламенем нездешних очей и, не глядя, выбила чашу из его руки. Феррах ударил её по лицу. Без злобы, лишь для пользы неразумной. Она рухнула на ковёр. Помедлив, феррах, склонился к ней, обеспокоенный неподвижностью. Она была в обмороке. Вероятно, её собственная слабость стала тому причиной. Неужели во все дни пути она не взяла в рот ни крошки, ни капли? При такой палящей, непривычной ей жаре?

Опустившись на колено, феррах приподнял её и влил в рот немного воды. Горло её судорожно дёрнулось, она начала жадно глотать. И вдруг сжала губы, отчаянно замотала головой.

– Пей! – приказал феррах.

Он умел повелевать. Его гнева страшились. Но эта упряmica ещё не знала, как умеет он укрощать строптивых – рабов, коней, женщин. И она не принадлежала ему. Она была собственностью наббилаха, его господина, как и все прочие ценности в караване.

Она слабо отталкивала его, пытаясь освободиться, и феррах отпустил её. От слабости её пошатывало, но в глазах и лице ясно читалась решимость противостоять до конца. Наказать её он не мог – даже нечаянное прикосновение к женщине наббилаха могло грозить смертью.

Феррах вышел и отдал распоряжение. Следом за ним в шатре появился пожилой раб, иссушенный солнцем. Не разгибая спины, он поставил перед женщиной на низкий столик поднос с едой и, пятась, выскользнул из шатра. Глядя на ферраха злыми, чёрными маками очей, она опрокинула поднос. Феррах хлопнул в ладоши. Потом откинул полог и жестом приказал ей подойти.

Кровь не растекалась по песку, он мгновенно впитывал её, только стал тёмным до черноты. Тело раба ещё вздрагивало в агонии. Она отшатнулась и попятилась, в ужасе глядя на ферраха. Потом с выражением того же ужаса перевела глаза на раба, который вновь с поклоном вошёл в шатер. Теперь это был юноша, почти мальчик. Не поднимая глаз, он оставил поднос и исчез.

Прижав руку к горлу, она замотала головой, выговорила что-то коротко и звонко на чуждом ферраха языке. Неизвестно, к чему относился её протест – она не имела на него права вообще. И феррах снова хлопнул в ладоши. Она вскрикнула отчаянно, смертельно раненой птицей.

С третьего подноса он взял чашу с крепким бульоном и сделал рабу знак, приказывая удалиться. Дрожащими руками она приняла её.

По знаку ферраха караван тронулся в путь. Он сидел на поджаром, сильном жеребце и смотрел на проходящих мимо верблюдов и людей. Глядя на плотные занавески, покачивающиеся в ритм движению высокого чёрного бардагозца, он позвал, и сию же минуту торопливо подбежал погонщик.

– Этот верблюд везёт твою жизнь, – проговорил феррах, трогая коня.

Жеребец в несколько рывков поднялся на высокую дюну, осыпая широкие, текучие разливы песка. Всадник повёл глазами по горизонту. Отсюда кажется, что пескам нет края, они всюду, куда ни глянь – будто весь мир погребён под ними. Небо ещё синее по-утреннему, но солнце уже яростно мечет раскалённые копы, и же трепетно задрожал воздух над жёлтыми песками. Феррах закрыл лицо концом чалмы, оставил лишь полоску глаз, и тронул повод. Конь, проваливаясь и оседая, спустился вниз.

Феррах неожиданно подумал, не такая ли пустыня вся его жизнь? Что в ней? Служение высокому наббилаху, который дарит верного слугу особым расположением? Но разве тайна, как изменчиво это расположение, и как скор наббилах на решения в минуты гнева. Феррах давно знает цену своей жизни, поэтому умерен в радости и философски спокоен в дни невзгод. А сердце? Сердце тоже стало подобно безжизненным, иссушенным пескам? Любит ли он ещё хоть что-то? Роскошь своего дома? Изысканную еду? Сильных скакунов? Нежных и сладких женщин?

Когда среди песков возникает оазис, путник останавливается в нём, даёт себе отдых. Но позади у него пустыня, и впереди тоже.

Неосознанным движением он потёр старый шрам на предплечье правой руки.

Почувствовав жажду, феррах вынул из плетёной седельной сумки небольшой сосуд, напился. Потом стоял, поджидая чёрного бардагозца.

Она приняла бутылку так, будто не было утреннего яростного бунта. Вот только взгляд её был прямым, твёрдым, глаза в глаза. Ей и в голову не приходило потупить или прикрыть лицо, как сделают это все другие женщины, которых он везёт своему господину. Ни один из каравана не посмел бы смотреть столь дерзко.

Когда остановились на ночлег, и для ферраха поставили шатёр, он снова велел привести к нему женщину. Она неподвижно стояла у входа, взгляд её прятался в тени густых ресниц. В шатре было достаточно света, феррах внимательно рассматривал её, облокотясь на подушки.

На рынке Кум-Эрака в перекрестье оценивающих глаз она стояла вольно, будто не чувствовала этих взглядов, не слышала пронзительного голоса торговца. Подняла лицо, посмотрела над головами людей. Потом взгляд её неторопливо скользнул вверх, в небо. Феррах поднял глаза и увидел в яркой синеве птицу-горлицу – за ней следовал взгляд женщины. От едва приметных, плавных движений волосы её, что стекали на плечи ровными волнами, переливались, играли тёмным золотом.

Потом торговец сдёрнул лёгкое покрывало, и глаза её полыхнули гневом. Когда повела она ими по рядам, переходя с одного лица на другое, взгляд ферраха встретился с ними, широко открытыми, крылатыми от густых ресниц, почерневшими от гнева. Феррах рассматривал её, замороженный чистой, воздушной красотой. Нет, не красотой, а каким-то неуловимым очарованием. Да, природа одарила её тонким станом, изяществом и грацией. Но феррах пресытился женской красотой и давно уже выбирал женщин для господина так же, как драгоценности, коней, ткани, забавные пустячки. Эта же – она была нечто иное. И он смотрел, пытаясь

разгадать её, уже решив, что за эту северную жемчужину заплатит сколько угодно, но с рынка она уйдёт только в его караван.

Когда-то ферраха нравилось укрощать гордых, как необъезженных скакунов подчинять властной руке. День был длинный. У неё было довольно времени для размышления. Поняла она вздорность своих поступков? Войдя, она не подняла глаз, и плечи покорно опущены. Она ждёт приказа так, как надлежит женщине.

Ему было приятно смотреть на неё, глаза отдыхали после раскалённого солнца, неба и песков. Она была одета в платье из тончайшего лёгкого, как газ, зелёного, как её глаза, шёлка. В то, что называется стеклянными одеждами. Струющаяся, полупрозрачная ткань окутывает и скрывает её всю. Но лёгкие складки шевелятся даже сейчас, в неподвижном воздухе шатра. При малейшем же движении в воздушных драпировках вдруг обнажалась изящная рука, разрез от щиколотки до бедра возбуждал и притягивал взор.

Феррах взял гроздь винограда и, подойдя к ней, опустил на колено, протянул. Глаза её на несколько мгновений вспыхнули изумлением и вдруг резко сузились – она оттолкнула ферраха ногой. Он вскочил, бросив ладонь на рукоять ножа на поясе. Она не отпрянула в страхе, наоборот, чуть побледнев, подалась вперёд, с готовностью подставляя грудь стальному жалу. И вдруг увидела в глазах его не гнев, а холодное пристальное разглядывание. Она сникла, закусила губу, на ресницах задрожали прозрачные слезинки.

Феррах взял её за руку, провёл вглубь шатра. Она опустилась на ковёр, но он не был уверен, что женщина заметила его позволяющий жест. Силы просто оставили её.

– По-прежнему жаждешь смерти? – усмехнулся феррах. – Ты очень скоро найдёшь её, если сделаешь подобное с наббилахом, своим господином.

С низко опущенной головой, поникшими плечами она казалась маленькой и слабой. Откуда же в этой хрупкой юной женщине столько непокорности? Просторы родных степей, вольные ветры ли пели ей о свободе? Ему захотелось протянуть руку и отвести тяжёлую русую завесу, скрывающую лицо.

Она вдруг подняла голову и посмотрела на него. И столько неизбывной тоски было в её глазах. Внезапным прониканием он понял: такими станут они, когда найдут способ сломить её, погасят огонь протеста. Лишь бессильная ненависть будет тлеть на дне крылатых очей, чтобы безоглядно взорваться однажды. И тогда придёт к ней желанная смерть. Но она даже не подозревает, насколько страшная и мучительная. Для этого он заставил её отказаться сегодня от голодной смерти? Для того чтобы через несколько дней отдать на душевные муки, на беспросветное будущее? Такую тоску в глазах он уже видел однажды – в глазах смертельно раненого животного, когда подходил добить его. А её – отпустить умирать медленно?

Да ему-то какая забота?! Она идёт путём сотен, тысяч! Особенная? Вздор! Но тогда почему он боится преодолеть ничтожное расстояние до неё – расстояние вытянутой руки?

Протянув руку, он сжал её запястье и заставил раскрыть ладонь. Феррах долго всматривался в виньетку линий, не веря тому, что открылось его глазам. Потом вызвал стражу и велел увести женщину. Откинув полог, он смотрел ей вслед. Маленькая и тонкая, как тростинка, она то пропадала во тьме, то возникала снова, выхваченная из мрака светом костров. Феррах поглаживал зудящий шрам на предплечье. Но теперь он был спокоен – колебания и сомнения оставили его. Эта женщина, чужая неприкосновенная собственность, – его судьба и жизнь.

...Он не верил гаданиям. Но над словами гооруни не рассмеялся, что-то не позволило. Может быть, её тёмные, печальные глаза. Так глаза у них всегда печальны. Род гооруни настолько низок, что их никогда не используют в качестве домашних рабов, и позором считается взять в наложницы женщину-гооруни, хотя они очень хороши собой. И мужчин, и женщин проклятого богами рода используют на самых тяжёлых строительных и полевых работах.

Молодая семья, с кем случай так странно свёл его, разделяла судьбу сородичей, ничем не выделяясь среди них. В тот памятный день феррах возвращался с конной прогулки. Он

давно не брал с собой сопровождающих, как того требовало его положение – устав от неискренних слов и льстивого преклонения, он предпочитал одиночество.

Феррах спешился и неторопливо шёл краем редких зарослей. Чуть поодаль, на поле, покрытом стрелчатými всходами маиса, были видны согнутые спины рабов. Сонная истома разливалась в горячем неподвижном воздухе. А потом всё произошло в мгновения: ребёнок в тростниковой плетёнке, змеиная голова над ним и яростное шипение...

У него в руках не было ничего, кроме повода. И он сам не понял, как голой рукой отшвырнул гадину от младенца. Но змея оказалась стремительнее – плоская треугольная голова ударила в плечо, и руку прокололо короткой болью. Потом он смутно сознавал, что его окружили люди, кто-то надрезал ранку, высасывал яд вместе с кровью.

Когда наббилаху доложили о случившемся, он немедленно прибыл в дом ферраха. Выслушав доклад лекарей и высказав любимому слуге слова сочувствия, он всё же дал волю гневу.

– Как смел ты рисковать своей жизнью! Ради кого?! Весь их поганый род не стоит твоего ногтя!

И распорядился немедленно казнить мужа и жену вместе с их выродком. Почтительная, но настойчивая просьба ферраха спасла их.

– Мой господин! Я и без того раскаиваюсь, что был так неразумно опрометчив. Видно, солнце напекло мне голову. Но прошу моего высокого господина отменить своё распоряжение. Иначе мой поступок выглядит и вовсе глупо.

– Пусть будет по-твоему, – с неудовольствием согласился наббилах. – Но если хочешь наверняка сохранить ничтожные жизни, тебе придётся поскорее выздороветь.

Феррах, действительно, и сам не понимал своего порыва. А родители ребёнка стояли на коленях перед воротами его дома во все дни, пока смерть опаляла ферраха своим дыханием, сухими губами непрерывно шептали слова молитв. Гооруни считались колдунами. И неизвестно, что отвело от ферраха близкую смерть: старания лекарей и страх казни или умелая и своевременная помощь рабов-гооруни, их молитвы-заклинания.

Когда феррах велел привести их в дом, они снова упали на колени, простёрлись перед ним.

– Идите домой, к своему ребёнку, – сказал феррах.

И тогда женщина вдруг распрямила спину, робко потянулась к нему: – Дайте мне вашу руку, светлый господин...

Она не смела поднимать на него глаза, подавать голос, прикоснуться к нему, и стражник за её спиной шагнул вперёд, по-змеиному запела сабля, выходя из ножен. Отстраняющий жест остановил его. Феррах протянул женщине руку.

Станным было её гадание. Она говорила о необыкновенной любви, сулила долгое счастье. А большие тёмные глаза были полны печали.

– Вот этот редкий знак, – она коротко прикоснулась к ладони, – он укажет вашу возлюбленную, светлый господин. Верьте, помните – сама смерть не порвёт нить судьбы... – совсем странными словами закончила она гадание.

А тонкий шрам, возникший на месте укуса, обладал странным свойством. В нём возникал лёгкий зуд, когда ферраxu нужна была осторожность, когда рок нависал над ним.

* * *

...Будильник взорвался дребезжанием в тот миг, как в его сознании вспыхнуло пронзительное ощущение потери. Опять этот сон. Будто кто-то разворачивает полотна чужой жизни, чужой любви, эпизод за эпизодом. Чужой?.. Вдруг пришло сомнение, и он вскинулся испуганно – что сон, что явь? А если вообще всё приснилось, и на холсте не её лицо?

Он нарочито неторопливо натянул вытертые до белизны джинсы, закурил, глядя в окно, – а рука вздрагивала. Вот так курить, едва с постели, он тоже стал недавно.

За окном сияло раннее, умытое ночным дождём утро. Под шелест дождя ему снился сухой шорох песка. Пустыня... Это его жизнь стала пустыней, когда он осознал, как пуста его жизнь без неё. А сердце уже толкалось, торопило.

Он снимал ткань с холста осторожно, будто боялся оскорбить грубым прикосновением... Нет, ему не приснилось, и бесследно ушёл напрасный страх. На холсте она, женщина из снов.

– Здравствуй, любовь моя, – шепнул он.

Отчего-то на холсте глаза её были усталыми, с печальным упреком.

Стол покрыт большими листами. Вчера до полуночи он снова и снова рисовал её. Безжизненная бумага оживала, едва возникала на ней линия нежного абриса. И уже по своей прихоти струилась лёгкая прядь. И будто сами собой ложились скорбные тени в уголках рта. Карандаш не рисовал – лицо уже существовало на листе, карандашный штрих лишь проявлял, делал его видимым. Он вернулся к портрету на холсте. Губы её, детски припухлые, были нежными, чувственными; казалось, что от них исходит тепло. Невесомо касаясь, он тронул их. И на короткое мгновение и вправду почувствовал тепло... Но нет. Только холодные краски на холсте.

– Дождись меня. Потерпи ещё чуть-чуть. Я тебя найду. Без тебя я просто умру, правда.

Он подошёл к зеркалу, откинул со лба тёмные волосы, провёл пальцами по щеке, по твёрдому подбородку. В зеркале он снова встретил её взгляд с холста.

– Ты узнаешь меня? Или будешь так же горда и недоступна в своём несчастье, как в этих странных снах? Узнай меня!

Лицо ферраха было иным, но что-то неуловимое делало их поразительно похожими. Как были похожи шрам ферраха и белая тонкая линия на его правом предплечье. Все принимали её за шрам, а она была от рождения.

– Где ты, свет мой ясный? Кто ты? Тебе плохо, у тебя беда, я знаю. Я так много о тебе знаю! Но где ты, как тебя зовут? И кто сейчас с тобой рядом? Кто бы ни был, он с тобой не по праву.

Вчера, когда поезд уже тронулся, он рассеянно и устало смотрел на перрон. И вдруг из людской толпы взгляд выхватил тонкую женскую фигурку, и глаза её опалили отчаянием. Её глаза! Ошеломлённый, он рванулся к окну сквозь скученную массу раздражённых, усталых людей, как сквозь пустое пространство. Но взгляд тщетно метался по ускользающим назад лицам, потом поезд нырнул в темноту тоннеля. И всё же! Он знает теперь наверняка – она есть, она где-то рядом! Она пришла к нему из снов. Сначала на холст. Теперь – в жизнь.

«Она, та гооруни, сказала: счастье придёт к вам... но не скоро. Разве это „не скоро“ ещё не настало? Судьба не может быть так жестока! Я нужен тебе, я знаю. И я не боюсь твоей беды, я смогу защитить тебя от любого несчастья. Я смогу, любимая моя, – заклинал он неизвестно кого, судьбу, может быть. – Пусть мои плечи секут колючие пески чёрных бурь – я укрою тебя...»

И вдруг глаза его расширились от внезапного пронизания – пески? ах, если бы...

...Обнажив до пояса, их привязали к коновязи на городском базаре, где казнили грязных конокрадов – лицом друг к другу. Первый свист хлыста бросил её к нему, она вжалась, будто искала защиты. Не кричала, только вздрагивала всем телом. А он, не чувствуя собственной боли, срывал голос, видя как страшно вспухают багровые рубцы на её коже, брызжут кровью...

– Помоги мне, – сказал он хрипло, преодолевая спазм в горле. – Выйди сегодня навстречу, мой ясноглазый ангел. Разве не оплатили мы встречу прошлой смертью – одной на двоих?

И ты не узнаешь меня

Когда мы встретимся опять, я не крикну: «Привет! Ты что, не узнала меня?!» Я позволю тебе скользнуть по мне взглядом спокойным и почти равнодушным. Взглядом неузнавания.

...Ты смеялась залиvisto над выходками королевского шута, а я шутил для одной тебя, чужеземная гостья. Твой муж оказался слишком ревнивым и совсем не имел чувства юмора.

Ты гуляла неподалёку, в аллеях дворцового сада, когда с меня спускали шкуру на конюшне. Я молчал, не желая тревожить тебя, и раскаивался только в одном: в ночи тихонько скрипнула приоткрытая дверь... А я не вошёл в твою спальню.

Мне хватило бы и полусотни, когда плеть в руках такого виртуоза, остальные полсотни были лишними.

– Где же ваш шут, король? – с улыбкой спросила ты за ужином.

– Он свернул себе шею, кривляясь, – не утерпел твой ревнивый супруг.

– Жаль... – состроила ты гримаску. – Он был забавный.

А ночью ты плакала в подушку.

Потом я пришёл. И ты не узнала меня.

...Балкон и влюблённый юноша в ночном саду.

«Что в имени тебе моём...» – слетает вниз тихий голос – сама нежность, сама любовь.

Но в черноте ночи мы не разглядели чёрные крылья смерти, осенившие нас.

Потом я пришёл. И ты не узнала меня.

...Колдунья-цыганка танцевала в таверне, смеялась порочными, как ночь глазами, дразнила влюблённого поэта. Заливались мониста, серебряно звенели браслеты на тонких запястьях. Никто не умел танцевать так, как она – каждый раз, как в последний!

– Хочешь, наворожу тебе любовь?!

– Ты лучше подари её мне.

– Зачем ты мне, нищий поэт? Я люблю, когда звенят монеты! А что у тебя, кроме красивых слов? Я огонь – ты лёд. Мне скучно с тобой!

Она уходила с тем, кто осыпал её пригоршнями серебра. Проходила мимо, смеялась мне в лицо.

...плясали языки пламени, и я истекал кровью у подножия костра, не сумев тебя защитить. Сквозь рёв огня и треск хвороста прорывался твой отчаянный крик: «Прости! Я знала!!! Я хотела, чтоб ты ушёл!!! Прости!!! Я знала!!!»

Потом я пришёл. И ты не узнала меня.

– Как нам повезло, что мы встретились! Это чудо, что мы встретились! – всякий раз говоришь ты, сияя счастливыми глазами.

Как же ты не помнишь, что мы обречены встречаться? И обречены расставаться.

Ещё томит сердце боль новой разлуки. Ещё мы больны друг другом. Чш-ш-ш... всё пройдёт... как заживало тысячи раз... я ничем не встревожу тебя. Пусть тебя лечат сны. Пусть они будут легки и целомудренны. Спи, моя девочка, моя возлюбленная.

А когда приду – не узнавай меня. Нам всё равно не разминутся.

Создатель, один лишь вопрос

Создатель, когда призовёшь Ты меня, и станешь испытывать вопросами, я буду смиренно отвечать Тебе. Не знаю, как у меня получится. Но я буду стараться. А потом, когда исчерпаешь Ты свои вопросы, вывернешь мою душу наизнанку, не оставишь на доньшке ни единого пятнышка... Когда буду стоять перед Тобой опустошённым и прозрачным, я попрошу Тебя ответить мне всего на один вопрос. Я очень попрошу. И если Ты позволишь, я спрошу:

Ответь мне, Создатель, почему эту жизнь я должен был прожить без неё? Почему Ты позволил встречу, позволил полюбить, а потом развёл наши дороги? Ответь мне Создатель, мы виноваты, что не сложили две половинки в одно? Или таков был твой замысел, Твоя нечеловеческая логика?

Почему, Создатель мой?

Если Ты хотел испытать наши чувства временем и расстоянием – я выдержал Твоё испытание?

Время... Его прошло столько... Целая жизнь.

Расстояние... Дальше друг от друга невозможно быть – Ты развёл нас на разные концы полушария. Нагромоздил между нами границы и страны, людей, за которых мы отвечаем, долги, обязанности... Выдержал ли я Твоё испытание, если и теперь вспоминаю о ней с тоскою, а при редких, как чудо, встречах обрывается сердце, и, как у мальчика, дрожит голос?

Как ловко Ты ставишь неодолимые преграды, мой Создатель. Ответишь ли хоть когда-нибудь – зачем? Хотя бы в час, когда встану пред Тобой.

Воплощения Лилит

Предисловие к циклу «ВОПЛОЩЕНИЯ ЛИЛИТ»

Первое воплощение Лилит – жена Адама. Последнее предрекает «Роза Мира» Даниила Андреева: в последнем своём воплощении Лилит придёт в мир спутницей небывалого существа, гениального и могущественного – антихриста. И рядом с ним будет она, воплощение вечной Женственности. «От воплощённой Лилит будет излучаться свет невыразимой красоты, напоминающий лунное сияние. Прикосновение же к её телу будет вызывать несказанное наслаждение для всякого человека и полное угасание последних проблесков в его памяти о чём-либо высшем.

Вокруг себя и воплощённой Лилит антихрист создаст кошмарный культ мирового совокупления, и гнусные действия, окружённые сказочными эффектами и одурманивающим великолепием».

Лилит была создана волей Бога и уничтожена будет так же божественными силами вместе с антихристом. «Катастрофа, которой завершится жизнь последнего воплощения Лилит, не будет иметь ни одного зрителя. Сразу после гибели антихриста она исчезнет неизвестно куда и как. И немало людей покончат с собой от тоски по невозвратно исчезнувшей...»

Но что было между первым её воплощением и последним?

У начала начал имя мне было – Лилит. Я знаю, это я была той, первой и единственной. Ева стала второй, от неё пошёл счёт человечеству, но Первой Женщиной была я.

Творец создал меня вдохновенно. Однако творение стало неожиданностью для Него Самого. Оно оказалось совершеннее мужчины, хотя Творец желал, чтобы было наоборот. Так случалось часто потом и среди людей, когда нечто, осенённое вдохновением, удивляет создателя, и он недоверчиво вопрошает себя: «Неужели это сделал я?»

Недовольный, Творец разрушил своё творение. И создал Еву, теперь из Адамова ребра, чтобы женское начало уж наверняка стало вторичным по отношению к мужскому. Не знаю, сильно ли он сожалел, что был так неосмотрителен при сотворении самой первой женщины. А для сожаления причина была – не прошёл бесследно первый неудачный опыт (или слишком удачный?). Создатель уничтожил Лилит, но, по сути, только тело её: обратил в прах рождённое из праха. Но ведь я была не бессмысленным глиняным болваном, я перестала им быть в тот момент, когда Он оживил куклу, вдохнув в неё душу. А потом разрушил сосуд, в котором недолго обреталась душа Лилит, высвободив живую душу. Вот душу уничтожить – это уже совсем другое. И он не смог, не захотел. Ведь Он – предвечный Творец, не разрушитель. Так душа Лилит обрела свободу витать в пространствах.

Но вот что произошло при рождении Евы. Когда Творец вдохнул в неё душу, в тот же миг, – снова вопреки Его замыслу – запала в Еву малая, как зерно, часть бессмертного духа Лилит. Именно это зёрнышко – бунтарства, своеволия – проросло и подтолкнуло младшую мою сестрицу стать истинно человеком, а не покорной коровой, пасущейся в Эдемском саду. Вкусить запретный плод и познать счастье и горе, радость и муку, сладость свободы и горечь неволи толкнула её своевольная частица Лилит.

Как часто потом «лишняя» эта частица вносила смятение и смущение в мужской покой, как хотелось ему вытравить её из своей женщины, обязанной знать, что место жены позади мужа своего. Сколь много звонков звенело в тех цепях, которыми опутывали души Евиных дочерей. Но коль Он Сам не истребил мой дух, под силу ли это мужчине?

А Лилит... свободный неуничтожимый дух, витающий в пространствах и временах... бессмертная Лилит и неприкаянная... Однажды я вновь обретаю кровь и плоть, и рождаюсь опять. Всегда разная. Чарующая одним видом своим, соблазнительная и торжествующая, яд и нектар. И одновременно – просто женщина, одна среди многих, хрупкая и слабая.

Я помню себя царицей и рабыней, мне поклонялись и меня приносили на жертвенный алтарь. Иногда я живу долго, и иней лет серебрят мои косы, а порою ухожу молодой, в расцвете сияющей красоты, оставляя разбитые сердца и память о себе. А те, кто остаётся жить, одни уверены, что видели наяву посланницу небес, другие со страхом и облегчением осеняют себя знаками защиты: ад поглотил-таки дьяволицу! Люди боятся и ненавидят всё, что превосходит их, и – были времена, – чувствуя иную природу моей души, терзали в страшных казематах мою плоть, не имея власти над бóльшим. Ни в одном лишь пламени любви сгорала я, но в пламени костров тоже. Любовь моя творила чудеса, подымала со смертного одра, а то становилась причиной кровопролитных раздоров.

Но одно оставалось неизменным в любом воплощении Лилит. Меня можно было сломать, уничтожить, унижить тело моё, но гордый мой дух родился прежде той силы, которая хотела бы его сломить, и потому торжество победы всегда оставалось за мной, если не в жизни, то в смерти – моя смерть никогда не давала моим убийцам упоительного торжества победителей.

Проходит время – но что мне время? десяток лет или столетие... сие не есть мера, которой черпают из Океана Времен. Он безбрежен. Люди представляют Время рекой с истоком и устьем. Они ошибаются. Океану начала нет и нет конца. Мой вольный дух парит в нём, проходя сквозь времена, сквозь века и тысячелетия, ничем не ограничен и не обременён. Как Феникс-птица, я возрождаюсь к жизни во плоти, чтобы вспыхнуть коротко и ярко, и просветлить сумрачное, и обогреть выстуженное, и опалить тех, кто не боится быть обожжённым.

Я не знаю, когда и где ноги мои вновь ощутят земную твердь, а ветер тронет волосы в бережной ласке. Это ведомо лишь тому, кто мой вечный Господин, мой Творец.

Порой мне кажется – я знаю, я ошибаюсь, у Него нет, не может быть пристрастий – но судьба то возносит меня к самым небесам, то вдруг испытывает столь жестоко, что мне кажется порою: это Он и восхищается, и мстит, не желая признать, что родилась я такой по Его воле, а не вопреки ей. Обретая новое существование, я не всегда помню о предыдущих. Иногда помню. Иногда память просыпается внезапно, как озарение, выхватывая из тьмы забвения короткий миг...

Лолия. Атлантида. Город Золотых Врат

Гонец нашёл меня в лабораториях Университета, где Гай Листерид намеревался на уроке алхимии провести с учениками практическое занятие, и пригласил меня наблюдателем. Вам, конечно, ни хуже меня известно, какой осторожности требуют опыты по трансмутации металлов. Истинные знания – это, само собой, необходимая компонента, но столь же надобны навыки практической работы, интуитивность, достигаемая лишь опытом. Ведь знания уступают своё первостепенство, когда трудно уловимый оттенок кипящего состава или его запах или неприметное изменение скорости течения реакции подскажут дальнейшие действия, и, может статься, безотлагательные – очень немного надо, чтобы процесс трансмутации вырвался из власти неумелого и слишком самонадеянного и наделал бед. А как можно научить этой чуткости? Слова тут бессильны. Да не всегда можно рассказать словами об тонкостях дела. Даже сам учитель Листерид ещё не рискует в полной мере надеяться на себя, вот и приглашает меня наблюдателем.

Мне нравится бывать на школьных занятиях, нравится смотреть на лица учеников. На них появляется выражение, близкое к священнодействию. С каким благоговейным трепетом они берут компоненты мерной ложечкой или серебряным зажимом, коротким фарфоровым пестиком растирают в мисках, а затем перемешивают с трогательной осторожностью. Разумеется, они знают результат, к которому приведут все эти действия, но каким восторгом совершенного открытия засветятся их глаза, когда результат ляжет перед ними в виде крохотного золотого или серебряного слитка. В такие минуты у меня возникает сожаление, что я не посвятила свою жизнь благородному и благодарному труду учителя.

Сторож, которого мы оставили перед дверью лаборатории, воспрепятствовал посланцу войти к нам. Для того он и был поставлен со строжайшим наказом: никого не пускать! Любой громкий звук мог неправильно осадить раствор, а даже самое малое движение воздуха создать дополнительную тягу в миниатюрных тиглях и – свести на нет все усилия учеников.

Узнав о важности поручения, с которым явился гонец, сторож подал условленный знак – короткий и негромкий стук ладонью. Я вышла к ним, когда нашла это возможным, и гонец с почтительным поклоном вручил мне послание. R

Красный сургуч запечатывал концы шнура, обвязывающего свиток, и на сургуче я увидела императорскую печать.

Я развернула тонкий, полупрозрачный металлический лист и в письменах, нанесённых на его белой матовой поверхности, напоминающей необлитый фарфор, узнала руку Императора. Он сообщал о своём желании видеть меня по возможности скорее.

Жестом я отпустила посланца и вернулась в лабораторию. Лишь убедившись, что все ученики благополучно завершают опыт, и в тиглях уже пузырится конечный продукт, я с немалым сожалением оставила их.

Я сняла большой кожаный передник, тщательно вымыла лицо и руки в чаше с проточной водой. Чаша имела форму большой раковины, а вода постоянно подавалась в неё через отверстия внизу. Струи били упруго, слегка вспучивая поверхность в центре чаши.

Я так люблю мой город, что не могу отказать себе в удовольствии приостановиться хоть на минуту, полюбоваться им, как бы ни торопили меня дела. Вот и теперь я не устояла перед искушением усладить свой взгляд созерцанием настоящего чуда, коим безусловно и был Город Золотых Врат.

Не знаю, ты, читающий эти строки, принадлежишь ли к моему народу, но даже если ты чужеземец, всё же не мог не слышать о Городе Золотых Врат. А уж если довелось бывать в этом сердце Атлантиды, уж верно, ты никогда не забудешь чудо-город у моря, что раскинулся по склонам большой пологой и живописной горы со сглаженной вершиной. Мой велико-

лепный город лежит на просторных рукотворных террасах, которые обнимают гору четырьмя плоскими кольцами.

Надобно сказать, что Университет, который я только что покинула, как и все прочие общественные и государственные учреждения, располагается на второй террасе от вершины. Ах, да если ты был гостем имперской столицы хоть единожды, то, как всякий иностранец, поселялся во дворце, выстроенном именно для чужестранцев. А гостевой дворец вот он, от меня по правую руку. И я вижу там, в тенистых аллеях людей в причудливых, не наших одеждах.

Таким образом, сейчас выше меня лишь одна терраса – обширная плоская вершина холма, на которой расположен блистательный дворцовый комплекс. Я не могу видеть здания императорского дворца за изобильной зеленью огромного дворцового сада, зато слышу радостный шум вод. Гости столицы не сразу верили, что чистый поток, стремящийся через сад, не рождается здесь же, из природных источников. Вода эта идёт к столице по водопроводу с далёких гор, от ледников и вечных снегов и наполняет многочисленные дворцовые фонтаны и пруды, каскадами низвергается в канал, кольцом окружающий всю территорию дворца. Эта голубая граница отделяет дворец от города, расположенного на нижних террасах. В свою очередь, каждую следующую террасу окружает собственный кольцевой канал. Они делят город на концентрические пояса и доставляют воду горожанам для разнообразных нужд.

Окинув взглядом цветущие сады внизу и виднеющиеся в их зелени прекрасные виллы, я повернулась и пошла по неширокой улице, выложенной зелёными и голубыми керамическими плитами.

У входа в главное здание дворцового комплекса меня встретил придворный.

– Император ждёт вас, прекрасная Лолия, да прольётся в века свет вашей мудрости, – проговорил он, склоняясь в глубоком поклоне.

Император пребывал в своей любимой комнате, на верхнем уровне здания. Выше была только центральная башня с остроконечным куполом. Как раз под этой башней комната и располагалась (из неё наверх вела винтовая лестница), и служила Императору малой дворцовой обсерваторией. Но Император любил работать в ней в любое время, даже если не вёл никаких астрономических или астрологических наблюдений. Когда какое-то дело требовало глубоких размышлений и особой предусмотрительности в принятии решения, Императора почти наверняка можно было найти именно здесь.

Комната отличалась от прочих помещений дворца. Как я уже сказала, прямо над нею находился купол, увенчанный четырёхгранным шпилем. Шпиль притягивал из эфира магнетизм особого благотворящего вида, а сам купол башни как бы накапливал его, не допускал вновь рассеяться в пространстве. Одновременно внутренняя поверхность купола – вогнутая линза свода – служила подобием отражающего экрана. И получалось, что вниз, в пространство комнаты-обсерватории постоянно истекал поток целительного эфира. Здесь разум обретал особую ясность и остроту, быстро проходила усталость или, к примеру, раздражение, и к человеку возвращалось доброе расположение духа.

Однако, на этот раз, едва придворный растворил передо мной дверь, одного взгляда на моего властелина было мне довольно, чтобы понять – он чем-то глубоко опечален.

Император поднял голову, порывисто встал и пошёл мне навстречу.

– Как же долго ты шла! – жестом он отпустил моего проводника.

– Я прошу прощения у Солнцеликого, но моё присутствие было необходимо в классе Гая Листериды.

– Лолия, сегодня ночью Иерархи сообщили мне... нет, я не хочу говорить тебе, что именно они мне поведали. Я желаю, чтобы ты перепроверила это сообщение. Оно настолько серьёзно, что я... я должен быть абсолютно уверен, что принял его неискажённым. Когда ты сможешь?

Никогда я не слышала в голосе Императора такого нетерпения и... нет, мне показалось, – мольба не могла звучать в его властном голосе! Я хотела бы ответить «Сейчас же, немедленно», но...

– Сегодня это будет возможно лишь после захода солнца, мой Император, – чувствуя себя виноватой, сказала я. – Теперь же ещё только утро.

– После захода... – потеряно повторил он, затем кивнул и взглянул на меня. – В таком случае, останься со мной до конца дня, не оставляй наедине с моими мыслями, заставь думать лишь о тебе. Где ты была, Лолия? Почему не шла так долго?

– Гаю Листериду нужна была моя помощь, – снова повторила я, уверенная теперь, что в первый раз он не услышал ни слова.

– Мне тоже. Мне тоже нужна твоя помощь, но ты предпочла Листериду своему императору, своевольная Лолия?!

Кажется, он хотел улыбнуться, но губы не сложились в улыбку. Как будто пряча лицо, он шагнул ко мне и быстро обнял, крепко прижал к себе.

– Что случилось? – помедлив, тихо спросила я.

– Ничего. Сейчас – ничего. Кроме одного только – я соскучился по тебе, моя Лолия.

– Мы виделись вчера.

– Разве? Я не видел тебя целую вечность.

Он чуть ослабил свои объятия, но не разомкнул их, и я могла только немного отстраниться, чтобы заглянуть ему в лицо.

– Если бы ты знала, как хочу я, чтобы ты была со мной всегда, рядом! Чтобы я мог увидеть тебя в любую минуту! И когда народ Атлантиды чествует меня, называя солнцеподобным – мне не нужно столько почестей одному. Как был бы я счастлив разделить их с тобой.

– Мой император... возлюбленный мой... ты знаешь, какую плату возьмут Иерархи. Моя связь с сокровенной Иерархией ослабнет, а то и совсем порвётся. Но ведь я нужна тебе такая как сейчас – советчица и помощница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.